

Одержимость

Василий Арсеньев

18+

Василий Арсеньев

Одержимость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57096980

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодой преподаватель мировой истории переезжает в «маленький Париж», – в поисках спокойной жизни. Но вскоре он оказывается вовлечен в расследование странного убийства, потрясшего этот прежде тихий городок... «Одержимость» – вторая повесть в цикле, завершающем авторское исследование тайн Бытия. Это «самая личная» моя книга, повествующая о современной России, Владе Дракуле и о том, что такое одержимость.

Содержание

Часть первая. Меченосец	5
Глава первая. Новая жизнь	5
Глава вторая. Надпись на стене	21
Глава третья. Большой переполох в «маленьком Париже»	35
Глава четвертая. На Воробьевых горах	49
Часть вторая. Демон	63
Глава первая. Ночной спектакль	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

И спросил его: как тебе имя?

И он сказал в ответ:

легион имя мне,

потому что нас много...

Евангелие от Марка 5:9

Ибо написано:

«Мне отмщение,

Я воздам,

говорит Господь».

Рим. 12:19

Часть первая. Меченосец

Глава первая. Новая жизнь

История эта случилась в небольшом городке, где я жил в двадцатые годы. Этот городок местные жители почему-то называли «маленьким Парижем», хотя как я ни пытался, так и не нашел в нем ни Эйфелевой башни, ни Монмартра. Но зато там были теплые зимы, почти как в моей родной Средней Азии, и отовсюду открывался чудесный вид на сопки, что возвышались над местностью.

«Маленький Париж» поначалу произвел на меня самое благоприятное впечатление. Когда я поселился там, получив место преподавателя в местном вузе, я думал, что обрету долгожданный покой. Казалось, к этому все располагало, и, прежде всего, атмосфера небольшого городка, с его тихой размеренной жизнью, местечка, где никогда ничего не происходит. Бульвар, где неторопливо гуляют жители, река с перекинутым через нее мостом с перилами, панельные дома советской постройки, площадь со статуей Ленина посередине, парки и много зелени, – таким запомнился мне этот городок, на пространстве которого суждено было разыгаться драматическим и даже, можно сказать, необыкновенным событиям. Но обо всем по порядку.

Итак, я понемногу свыкался с новой для себя ролью преподавателя в университете. Помню, с каким волнением шел на первую свою лекцию. Но, когда ставишь цель перед собой, страх всегда можно преодолеть! Постепенно я начал получать удовольствие от своих выступлений перед многочисленной аудиторией, и страх прошел сам собой...

В один из тех дней, когда я только делал свои первые шаги на поприще учителя высшей школы, – кажется, это была пятница, – у меня появилось «окно» в расписании, целая пара, – полтора часа свободного времени. Тогда я покинул пустую кафедру и, закрыв дверь на ключ, вышел из здания университета. В моих мыслях было просто пройтись по бульвару, – благо, что до него недалеко, – он находился всего в квартале от того места, где я работал.

Стоял погожий денек «бабьего лета», – было тепло, ярко светило солнце, но в воздухе все же витало дыхание осени, а в парке, через который пролегал мой путь, листья на некоторых деревьях пожелтели, а иные опали и теперь шуршали под ногами.

Бульвар, выше упомянутый, представлял собой длинную аллею, которая служила местом прогулок и увеселений для жителей этого маленького города. По обеим сторонам этой аллеи высились старинные однотонные здания, облюбованные местной администрацией, и тянулись небольшие скверы, а спускалась она прямым к реке, протекавшей по городской окраине. В выходные и праздничные дни здесь все-

гда было шумно, иногда устраивались ярмарки или давали концерты приезжие из центра артисты. Однако в тот пятничный день на бульваре было менее оживленно, хотя не сказать, что совсем никого. Молодежь гуляла, купаясь в лучах солнечного света, и я заметил нескольких своих студентов, идущих в ту же сторону – по направлению к реке. Они были так увлечены своей беседой, что прошли мимо, не поздоровавшись со мной. До моего слуха еще некоторое время доносились их веселые голоса и громкий смех.

Я вспомнил себя в этом возрасте, и студенческие годы пронеслись у меня перед глазами, – тогда было всяко, по-разному, – и шумные компании, и беспросветное одиночество, и первая влюбленность, которая не принесла мне радости, но во многом подвигла к творчеству...

В общем, я вспоминал с теплотой те годы, проведенные в Оренбурге, когда проходил мимо сквера, где бил одетый в мрамор фонтан. В выходные дни это место занимали представители местной богемы, – учащиеся художественного училища, здание которого размещалось в глубине этого сквера. Они рисовали друг друга или за скромную плату предлагали свои услуги прохожим. В тот раз там было пусто, но, пройдя еще немного, я заметил женщину, которая стояла на углу у сквера, – возле своего мольберта. Это была какая-то художница, но я бы и не обратил на нее внимания, если бы она не окликнула меня такими словами: «А вы, я вижу, решили задержаться в наших краях?» Тогда я остановился,

с удивлением глядя на незнакомку, которая мне улыбнулась.

Она была миловидна, но не сказать, что красавица; не лишена некоторого дородства. Лет тридцати на вид. Довольно высокая и русоволосая. А глаза ее были глубокими и темными, как море (почему-то это сравнение мне тогда пришло в голову, и теперь я переписал его).

– Что, простите? – переспросил я.

– Разве вы меня не помните? – спросила она, продолжая улыбаться. Ее вопрос поставил меня в тупик, я только пожал плечами, вглядываясь в ее лицо, а потом до меня дошло.

– Ах, да! Вы же в гостинице работаете... Извините, у меня не очень хорошая память на лица.

Я вспомнил, что видел ее в гостинице, где останавливался сразу по приезде в этот «маленький Париж». На другой день я уже съехал оттуда и перебрался на квартиру, – в один из тех панельных домов, которыми пестрел этот серый городишко. С тех пор прошло около месяца, так что неудивительно, что я не мог вспомнить ту, которую видел раз в жизни.

– Я работала в гостинице, но две недели назад уволилась, – сказала она, сразу помрачнев (видимо, уход оттуда был не из приятных).

– А теперь вы, как вижу, в художники подались? – осведомился я.

– Нет, – засмеялась она. – Это что-то вроде хобби. А, кстати, не желаете, напишу и ваш портрет?

– Как-нибудь в другой раз, – усмехнулся я, продолжая

свой путь. Четверть часа спустя я спустился к реке, несущей свои воды с тех круч, вершины которых, казалось, касаются самого неба. Природа тех мест красива и величественна, и, будь я поэтом, непременно воспел бы ее в стихах. Но, увы, моя привычка видеть в расцвете увядание, а в молодости старение сделала меня прозаиком, грубым, прожженным, а порой и циничным. Впрочем, только благодаря этому я смог, как кажется, вплотную приблизиться к Истине...

Этот городок, лежащий у подножия горного хребта, и теперь, спустя много лет, у меня перед глазами. Как и лицо этой женщины, – не могу его забыть! Тогда в тот день я не нашел в ней ничего особенного. Сотни таких же лиц каждый день мелькали передо мной. С кем-то из тех людей мне время от времени приходилось обмениваться какими-то фразами, – причем делал я это без всякого удовольствия, – другие были те, кто слушал мои лекции, – и всегда с неизменным скучающим видом, который сам за себя говорил о том, что на самом деле у них на уме. Живя в человеческом обществе, приходится мириться с тем, что видишь, – с равнодушием и серостью окружающих, с тем спектаклем, в котором и сам поневоле участвуешь. В спектакле этом есть актеры, есть роли, которые они играют с переменным успехом, есть декорации и обстановка, где разворачивается действие этого спектакля. Каждый из актеров играет свою роль по правилам, – так, как ждут от него другие, и редко, очень редко можно

встретить того, кто бы осмелился нарушить эти правила...

Российское образование того времени – тоже спектакль, когда одни делают вид, что учатся, а другие – что учат чему-то. И когда я только пришел в высшую школу (точнее, в филиал федерального университета), студенты, кажется, были шокированы моим подходом, думая, что я требую от них слишком многого, – они ведь не привыкли к тому, что надо погружаться в учебу и размышлять над теми проблемами, которые я перед ними ставлю. Наталкиваясь на непонимание, я должен был идти на уступки и смягчать свои требования, – ничего другого не оставалось мне. Наверное, по этой причине я запомнил совсем немного тех, кого учил в те годы, – в память врезалось только одно лицо, – той, что не была моей студенткой, и у которой я сам многому научился.

Впрочем, вернемся к тому дню, с которого начинается это повествование. Я шел обратно, и взглянул на часы: до начала следующей пары оставалось еще сорок минут. Я в уме прикидывал, чем бы себя занять в оставшееся время, когда поравнялся с тем местом, где все еще находилась моя нечаянная знакомая. Завидев меня, она тотчас осведомилась:

– Как, насчет портрета? Вы не передумали?

Я покосился на нее и хотел сказать «нет», но что-то в ее глазах было такое, что я постеснялся вторично ответить отказом. Потом еще раз взглянул на часы и нехотя проговорил:

– Если только недолго. За полчаса управитесь?

– И за четверть часа сделаю набросок, – с готовностью отозвалась художница. – Прошу садитесь.

Я сел на указанный табурет и поздно спохватился, подумав про себя: «На кой мне вообще это надо?» Но уже было поздно. Художница некоторое время разглядывала мое лицо, а потом, прильнув к своему мольберту, быстро принялась работать карандашом. Я жмурился от солнца и с трудом боролся с подступающей зевотой. Клонило ко сну. И мне почему-то представился кот, который в летний день сидит на окне и купается в солнечных лучах. Так я позировал перед этой художницей, сам себе напоминая того кота, беззаботно сидящего на окне. Но вот, наконец, она остановилась, переводя взгляд с меня на свой шедевр. Еще несколько штрихов, и все было готово. Тогда она обратилась ко мне:

– Теперь можно посмотреть.

Я подошел и заглянул в ее мольберт. У этой женщины явно был талант. В портрете, который я увидел, она сумела передать все мельчайшие особенности моего лица. Но это я понял лишь потом, а тогда мне, честно говоря, просто хотелось поскорее от нее отделаться, а потому я, почти не глядя, быстро проговорил:

– Мне нравится, – и тотчас задал вопрос о цене. – Сколько я вам должен?

– А, сколько не жалко, – она махнула рукой, слабо улыбувшись. Тогда я заглянул в свой кошелек и достал оттуда купюру достоинством в 500 руб. (это все, что было при мне).

Отдав деньги, я подождал еще немного, пока она скрутит в рулон свое полотно, и, прихватив его, продолжил путь по направлению к университету. Отойдя на некоторое расстояние от сквера, где позировал перед художницей, я заметил урну для мусора и, недолго думая, подошел и бросил туда ее рисунок, который мне был решительно не нужен. Но потом, едва отойдя в сторону, я вдруг услышал шум приближающихся шагов и обернулся в изумлении. Эта женщина, как видно, еще некоторое время смотрела на меня издали, и от ее необычайно пытливого взора не ускользнуло мое движение по направлению к урне. Тогда, забыв про свой мольберт, она подбежала и достала из урны то, что я в нее кинул, а потом набросилась на меня с упреками:

– Но зачем же так? Неужели вам совсем не понравился мой рисунок?

Я в смущении пытался оправдаться:

– Вы мастерски изобразили мою физиономию. Портретное сходство налицо! Но я как-то не привык любоваться своим изображением. Если хотите, оставьте его себе...

– Тогда я верну деньги, – заикнулась она. Но я остановил ее:

– Да, ладно. Всякая работа должна быть оплачиваемой. Вы заслужили! Всего доброго, – закончил я привычной фразой и поспешил в университет, где провел два занятия, а потом пошел домой.

Об этом случае на бульваре и об этой женщине я, конечно, вскоре позабыл и не вспомнил бы, если б не встретил ее снова, – и в том месте, где совсем не ожидал. Примерно через месяц (это была уже середина осени, – время, когда пришлось надеть теплое пальто), мне понадобилось остричь волосы, а в том квартале, где я жил, была, кажется, всего одна парикмахерская. Туда-то я и направился, – тем осенним воскресным днем, но, когда вошел в салон, увидел ее – ту художницу с бульвара. Правда, теперь в переднике парикмахера, – но да, без всякого сомнения, это была она.

– Фигаро тут, Фигаро там, – засмеялся я. – Это уже третье место, где я вас вижу!

Она улыбнулась мне в ответ и, пригласив в свободное кресло, сказала:

– Если б вы зашли в наш музей, то могли бы увидеть меня и там.

– А вы и в музее работаете? – опять удивился я. – Как вы все успеваете, а?

– Три дня там, три дня здесь, – сухо сказала она и, повязав мне фартук, осведомилась насчет прически.

– Модельная стрижка, покороче, пожалуйста, – проговорил я скороговоркой и умолк, задумавшись о чем-то. Она побрызгала из пульверизатора мне голову и приступила к своей работе. Я не привык говорить, когда «колдуют» над моими волосами, потому хранил молчание, пока парикмахерша сама не нарушила его.

– Вы ведь из Оренбуржья, не так ли? – осведомилась она, как ни в чем не бывало.

– А вы это откуда знаете? – насторожился я, глядя на нее в зеркало.

– Ну, как же? – усмехнулась она. – Тогда в гостинице вы мне давали свой паспорт. Кажется, вас зовут Василий Иванович. Я не ошиблась?

– Нет. Все правильно. И вы запомнили? Удивительно! – поразился я.

– У меня хорошая память на лица, да и имя ваше довольно примечательное, – говоря это, она улыбалась, прямо как тогда на бульваре. Я теперь понял причину той ее улыбки – она просто вспомнила мое имя.

– Вы будете смеяться, если я скажу, что мое детство прошло на улице Чапаева...

Она и в самом деле засмеялась, а потом извинилась и сказала:

– Надо же, какое совпадение! А то, что вы оказались в нашем городе, это тоже случайность?

– Нет, – я качнул головой и нахмурился (на эту тему мне совсем не хотелось говорить). Она продолжила свою работу, и на пол снова посыпались ошметки волос. Потом зажужжала машинка, а, когда снова установилась тишина, эта женщина, глядя на мое отражение в зеркале, как будто невзначай сказала:

– Меня, кстати, Владислава зовут.

– Впервые встречаю женскую форму этого имени, – небрежно проговорил я. – Вашим родителям не откажешь в оригинальности!

– Они умерли, – сказала, как отрезала, моя новая знакомая.

– Простите, – извинился я. Она же замерла с ножницами в руках, отрешенно глядя в какую-то даль, – видимо, в прошлое, где остались ее воспоминания о родителях. Потом она отошла в сторону и включила телевизор, которым пользовались в этом салоне те, кто там работал (правда, в то воскресное утро никого, кроме нее, я не видел). Вернувшись, ни слова не говоря, она снова принялась за дело. Вскоре начался выпуск новостей. Сперва показали главу государства – на его подмосковной даче, – тот что-то говорил (смутно помню), потом – репортаж, посвященный захвату заложников в театральном центре на Дубровке, – в те дни отмечалась очередная скорбная годовщина тех событий.

Когда начался этот репортаж, лицо Владиславы стало мертвенно-бледным, а ножницы в ее руке дернулись, и в первый раз она неосторожно вырвала клоч волос из моей головы, что причинило мне боль.

– С вами все в порядке? – осведомился я, заметив ее странное выражение лица. Тогда она, ни слова не говоря, присела на диван, что стоял у стены напротив, и, не выпуская ножниц из рук, уставилась в телевизор, – и смотрела его, пока шел этот сюжет. Потом он закончился, а она взяла пульт, –

звук и изображение тотчас пропали. Некоторое время женщина молчала. Я с удивлением глядел в зеркало на ее бледное лицо и видел ее глаза, в которых застыли слезы. Я не решился заговорить с ней, а потом она, опомнившись, взглянула в мою сторону, встала и продолжила стричь ножницами, пока не закончила. Мне было как-то неловко в этот миг.

Когда я встал с места, чтобы рассчитаться с ней, она взяла деньги и вернула сдачу, а потом скрылась за ширмой, что вела в какое-то подсобное помещение. В тот день я так и не узнал, что же было причиной столь резкого перепада настроения у этой женщины. Понял только, что это как-то связано с Норд-Остом. «Может быть, ее родители погибли там?» – думал я, возвращаясь к себе домой. Однако истину я узнал много позже...

Два месяца спустя необходимость постричься снова привела меня в ту парикмахерскую. На этот раз Владислава работала не одна, но даже вдвоем им все равно было нелегко справиться с потоком клиентов, – в тот день к ним выстроилась целая очередь, так что больше часа мне пришлось ждать, пока место в кресле освободится. Когда, наконец, это произошло, она встретила меня без тени улыбки на лице... Вскоре зажужжала машинка. И процесс пошел. За все время она не проронила ни слова; ее лицо, которое я теперь рассмотрел внимательнее, чем в прошлый раз, было сосредоточенным. Между прочим, я заметил у нее на висках волосы с

проседей, которых раньше то ли не было, то ли я просто на них не обратил внимания.

Владислава молчала все время и заговорила только, когда я поднялся из кресла и достал свой кошелек, чтобы рассчитаться с ней за стрижку.

– Сегодня вам пришлось ждать, – сказала женщина, передавая сдачу. – Такое бывает часто. Впрочем, раз на раз не приходится. Вот, вам моя визитка, – передавая карточку, она как-то странно улыбнулась. – В следующий раз можете заранее позвонить, и я вам назначу на определенное время.

Я поблагодарил ее и вышел. Новая наша встреча, как уже можно догадаться, состоялась ровно через два месяца. В середине февраля. В тот день утром я позвонил по номеру телефона на визитке, а два часа спустя пришел в салон. Как и в первый раз, она была одна, чему я обрадовался. Эта женщина, казалось, просияла при моем появлении. Все повторилось. Я сел в кресло, поглядывая в зеркало на суетящуюся парикмахершу и думая лишь о том, как бы ее разговорить на тему, которая интересовала меня. Но, увы, ничего не приходило в голову. Поработав машинкой, она отложила ее в сторону и, взяв в руки ножницы, посмотрела на меня в зеркало и заговорила первой.

– Вы – учитель? – спросила она.

– В общем, да. Преподаватель, если быть точнее. Работаю в высшей школе. А как вы узнали?

– Еще тогда, когда прошлой осенью вы позировали мне в

сквере, я подумала про себя: «Он должно быть учитель!»

– Да, неужели? – я был немало удивлен ее ответом. – А по каким же признакам вы это определили? Что, у меня мел на рукавах был?

– Нет, мела я не заметила, – засмеялась она. – Но у вас лицо такое... серьезное, что ли. Вы явно привыкли думать. И эта худоба...

– На самом деле, учителем я стал совсем недавно, а до этого... – я запнулся. – Впрочем, какая разница? А что касается худобы, – с детства у меня такое телосложение. Возможно, последствие рано перенесенной тяжелой болезни.

Остригая волосы с моей головы, она продолжала расспрашивать меня:

– А чему же вы учите своих детей?

Я на мгновенье задумался и потом отвечал:

– Детей, то есть студентов, я стараюсь учить тому же, что и учительница из кинофильма советских времен: «Думать, хотя бы самую малость, и иметь обо всем свое собственное суждение!». Наверное, всякий хороший наставник должен учить именно этому...

Владислава улыбнулась, вспомнив фильм, о котором я упомянул (еще бы – его ведь показывают на каждый Новый год!).

– А как насчет личной жизни? – спросив это, она остановилась и в упор посмотрела в зеркало, встретившись со мной взглядом. Я сразу помрачнел.

– Я не женат, если вы об этом...

– Вам тоже не повезло? – она смущенно потупилась. – Я имею в виду, как герою Мягкова из того фильма?

– Я бы не хотел говорить на эту тему, – резко отозвался я. – Может быть, теперь моя очередь задавать вопросы? Когда я у вас тут давеча был, заметил кое-что необычное. Я потом много думал об этом, строя всевозможные догадки... – говоря эти слова, я с удивлением стал замечать, как меняется ее лицо. Владислава побледнела, у нее даже руки затряслись. Честно говоря, меня это слегка напугало, и я остановился.

– Ну, что же вы замолчали? – дрожащим голосом проговорила эта женщина. – Не хотите задать свой вопрос? Ведь только из-за любопытства вы ходите сюда, не так ли?

– Не только, – как бы оправдываясь, отвечал я. – Но и поэтому тоже... Если вы не хотите говорить на тему Норд-Оста, я не вправе настаивать. Это ваше личное дело...

Она некоторое время молчала, – при этом у нее был крайне расстроенный вид, потом, как бы собравшись с духом, выпалила:

– Я была там...

– В те дни?

Она утвердительно качнула головой.

– С родителями?

– С матерью. Отца я потеряла еще раньше – он погиб в Чечне в 2000 году.

– А мама ваша, – заговорил я осторожно, – так понимаю,

она...

– Она задохнулась, – с трудом сдерживая рыдания, начала Владислава. – В тот день она умерла, а я выжила... Вот, только зачем?

Она вдруг бросила ножницы и, закрыв лицо руками, убежала за ширму. Я остался один, сидя в кресле, с повязанным на шее фартуком, весь в волосах и не до конца подстриженный. «Довел до слез бедную женщину!», – говорил я про себя, раскаиваясь в содеянном. Вскоре появился очередной клиент, интересуясь, где же мастер, а я не знал, что ему ответить. Потом женщина, вытирая рукавом слезы, появилась из своего укрытия, чтобы закончить начатое дело. В тот день мы расстались, больше ни слова не сказав друг другу.

Глава вторая. Надпись на стене

В начале марта, кажется, случилось это происшествие, которое, по большому счету, ко мне никакого отношения не имело, но, так уж вышло, что я оказался вовлеченным в его расследование... Была середина недели. В то будничное утро хлестал косой дождь (такая погода держалась уже несколько дней подряд), и я под зонтом шел на работу, но все равно промок до нитки. Настроение – под стать погоде, а тут, как назло, с самого утра надо лекцию читать перед большой аудиторией!

Стоя у трибуны и подглядывая в свой конспект, я проговорил минут пятнадцать или двадцать, после чего, по своей привычке, начал переключку, – с целью контроля посещаемости. Зал тотчас же пришел в движение, – как всегда, заводилами выступили задние ряды. Но едва я приступил к списку с фамилиями студентов, как увидел вошедшую в аудиторию девушку – это была секретарь из приемной нашего учебного заведения. Она поднялась к трибуне и тихо сказала мне:

– Вас вызывает директор...

Я на мгновенье растерялся:

– Прямо сейчас?

Она кивнула в ответ.

– Это и в самом деле так срочно, или может подождать до перерыва?

Эта девушка ничего мне не ответила, однако, ее лицо приняло столь серьезное выражение, что я сдался и последовал за ней, – прямиком в кабинет начальницы (директором вуза была женщина). Оказавшись в этом кабинете, где в последний раз мне доводилось быть во время своего трудоустройства, я поздоровался с этой женщиной и сразу же заметил, что она не одна – в помещении находился какой-то незнакомый человек. Он поднялся мне навстречу, на ходу открывая свое удостоверение.

– Капитан полиции Иванов, – представился он.

– Я оставляю вас, – сказала директриса, проходя мимо меня. Я же с недоумением рассматривал удостоверение сотрудника правоохранительных органов и, возвращая его назад, осведомился:

– Чем обязан вам?

– Мне говорили, что вы большой специалист в области мировой истории, а, кроме того, знаете несколько языков. Это так? – спросил капитан по фамилии Иванов, и в его пристальном взгляде я прочел какое-то недоверие.

– Ну, не будем преувеличивать! Не такой уж я и большой специалист, а что касается языков, – мои успехи еще более скромные. Английский и китайский – на среднем уровне, и совсем немного...

Я не dokonчил, он перебил меня:

– А как насчет старославянского?

В первый миг я несколько растерялся, но потом нашелся:

– Как вам сказать? Мне доводилось изучать древнерусские летописи, и я, конечно же, со старославянской лексикой знаком. Впрочем, там нет ничего такого сложного... А к чему этот вопрос?

– Да, вы садитесь, господин Арсеньев, – обратился он ко мне как-то совсем неучтиво. – Нам с вами долгий разговор предстоит!

Тогда я сел на стул, а он пододвинул свой чуть ли не вприпрыжку к моим ногам и заговорил так, как, наверное, ведут допрос подозреваемого в совершении преступления.

– Где вы были в этот понедельник около десяти часов вечера?

Его выражение лица и грубость произнесенной фразы заставили меня вздрогнуть.

– А к чему этот вопрос?

– Отвечайте! – вдруг резким тоном проговорил он.

– Где я был в понедельник? – я запнулся, с трудом изображая. – Как и всегда, по вечерам в это время дома – смотрел телевизор...

– И кто-нибудь это может подтвердить?

– Ну, не знаю... Я живу один.

– Стало быть, алиби у вас нет.

– Какое алиби? В чем, собственно, дело? – проговорил я раздраженно.

– Дело в том, что в понедельник вечером в нашем городе произошло убийство...

– А я тут причем?

– Вам знакомо имя Алексея Ледяева?

– Нет. А кто это?

– Майор ФСБ в отставке, начальник службы безопасности в банке... – говоря эти слова, капитан Иванов пристально смотрел на меня, изучая мою реакцию. (Все-таки надо отдать должное тем, кто работает в правоохранительных органах – часто среди них можно встретить тонких психологов!).

– Не припомню, чтобы я хоть где-то пересекался с этим человеком, – качая головой, отвечал я. – Да у меня вообще мало знакомых в этом городе, где я живу совсем недолгое время...

– Да, я слышал об этом. Кстати, а что вас заставило переехать сюда?

Я развел руками:

– Думаю, что это мое личное дело!

– Как сказать... – усмехнулся мой собеседник. Я долго держался, но под конец вспылил:

– Если вы меня в чем-то обвиняете, скажите прямо, а не ходите вокруг да около!

Он сделал паузу, а потом сдержанно рассмеялся:

– Никто ни в чем вас не обвиняет, господин Арсеньев! – при этом он отодвинулся от меня и заговорил уже каким-то более доверчивым тоном. – Просто сейчас мы расследуем это дело об убийстве... А вы разве не слышали о нем?

Я качнул головой:

– Новости я не смотрю, тем более, местные...

Капитан Иванов не дослушал и снова прервал меня:

– Так вот, у этого дела есть особенности, скажем так. Майор Ледяев был убит в своем доме, – его обезглавленное тело нашли на следующий день. Убийца орудовал каким-то клинком с длинным лезвием... Как говорит эксперт, это может быть сабля или острый меч. Отрубленная голова была насажена на плафон люстры, висящей в гостиной. Да-да, – он посмотрел на меня. – Можете себе представить такое зрелище? Тело, распластанное посредине прихожей, залитой кровью, и голова, висящая на люстре... Но это не все. Убийца оставил после себя еще кое-что. Вот, взгляните... – с этими словами он достал из своей кожаной папки и протянул мне фотографию.

Это был снимок с изображением стены, на светлом фоне которой чья-то рука вывела надпись буквами кириллицы (среди них были и те, что уже давно не использовались), сложенными в следующую фразу.

(Современная орфография).

Сей муж

Достоин смерти,

Поелику пришел на чужую землю

И захватил ему не принадлежащее.

Приговор привел в исполнение собственноручно.

Сама по себе уже эта надпись выглядела более чем странно – мало того, что она была сделана на старославянском языке, но еще и вещество, которое использовал автор этой надписи, было красного цвета, что сразу бросалось в глаза. Но удивительнее всего было то, что этот человек оставил не только фразу, но и свое собственное имя. Фраза заканчивалась подписью, при прочтении которой у меня мурашки побежали по коже (настолько это было неожиданно!).

Итак, после слов «Приговор привел в исполнение собственноручно» стояла подпись: Влад Дракул.

Я с трудом мог поверить своим глазам и некоторое время вглядывался и в текст, и в два последних слова. Наконец, полицейский, про которого я забыл, с увлечением рассматривая эту надпись на стене, напомнил мне о себе и громко проговорил:

– Что думаете?

Я оторвался от фотоснимка и посмотрел на него:

– Так вы говорите, что это оставил после себя убийца? Удивительно! Ничего подобного мне еще не доводилось видеть...

Я задумался.

– Что скажете про эту надпись? – мой собеседник явно терял терпение и пытался меня поторопить. Я посмотрел на него, а потом заговорил, глядя, по своему обыкновению, в сторону.

– Ведь вы, как я понимаю, ждете от меня какой-нибудь зацепки, которая привела бы вас к преступнику. Но, боюсь, я ничем не могу вам помочь. Единственное, что можно утверждать наверняка, что автор этой надписи – явно знаток старославянского языка. Он использует не только «ять», но и те символы, которые были в ходу еще в допетровское время, даже более того – во времена написания наших летописей, то есть в 14-15 века. Иначе говоря, вы ищите человека образованного... Другой вопрос – для чего он вообще оставил эту надпись? И почему – Влад Дракул?

– Это, может быть, как-то связано с историями о вампирах... – капитан Иванов, кажется, вполне серьезно обронил эту фразу. Но мне стало смешно.

– Влад Дракул, он же Влад Цепеш, что в переводе означает «Колосажатель» – это не граф Трансильвании из книги Брэма Стокера, бессмертный кровопийца, а вполне реальный персонаж – господарь и князь Валахии (ныне Румыния), который правил там в 15 веке. И, кстати говоря, здесь это прозвище «Дракул» написано совершенно правильно – без конечной гласной «а». Дракул в переводе – Дракон. Это прозвище Влад из рода Басарабов унаследовал от своего отца, который состоял в ордене Дракона. Ваш убийца, кем бы он ни был, знает подлинную историю жизни этого правителя.

– Еще что-то? – осведомился капитан Иванов, которому совсем не хотелось ни с чем возвращаться в свое отделение полиции.

– Мне кажется, что необычность этого дела должна быть вам на руку...

Он нахмурился:

– Что вы хотите этим сказать?

– Убийца, как я понял, орудовал каким-то клинком. Мечом, вроде бы, да? Но ведь в нашей стране, насколько я знаю, холодное оружие такого класса должно состоять на учете.

– Да, это первое, что мне пришло в голову – проверить всех, кто имеет лицензию, но пока безрезультатно...

Капитан Иванов не договорил, теперь уже я его прервал на полуслове – не терпелось озвучить мысли, что одна за другой стали вспыхивать в моем сознании:

– Кроме того, убийца, наверняка, был забрызган кровью, – после того, как отрубил жертве голову. Он не мог выйти из дома незамеченным. Надо только опросить местных жителей...

– Василий Иванович, – с нетерпением проговорил мой собеседник. – Вас так, кажется, зовут? Уже все сделано: опросили.

– Неужели никто ничего не видел? – удивился я.

– В прошлый понедельник весь день лил дождь: в такую погоду преступнику ничего не стоило остаться незамеченным (тем более что квартира Ледяева находится на первом этаже). А, кроме того, еще не факт, что он был забрызган кровью!

– Это почему?

Полицейский покосился на меня, а потом снова открыл свою папку и достал оттуда бумагу с нанесенным на ней планом квартиры, где было совершено убийство. Я увидел коридор, который в середине своего пролета имел две двери, ведущие в противоположные комнаты: с одной стороны, была кухня, с другой – гостиная. Как раз именно в этом проходе и лежало обезглавленное тело жертвы.

– Судя по всему, Ледяев сам впустил убийцу в свою квартиру.

– Это был его знакомый?

– Похоже на то! После чего он, ничего не подозревая, пошел по коридору, – и тогда-то преступник выхватил свой клинок, который ему каким-то образом удалось незаметно пронести, и нанес удар сзади. Бах. И голова – прочь. Но сердце еще работало, извергая потоки крови из порванных артерий на шее, а потому тело, падая, забрызгало стены коридора. Сам убийца при этом мог успеть отойти назад...

– Этот человек должен был обладать недюжинной силой, – раз ему удалось так легко справиться с бывшим офицером ФСБ! – заметил я.

– Совсем необязательно, хотя, конечно, резон в ваших словах присутствует, – мрачно качнул головой капитан Иванов. А я продолжал:

– В расследовании любого преступления, как мне представляется, важно установить мотив. Думаю, не просто так убийца оставил на стене эту надпись. Он явно хотел что-то

этим сказать. Например, что значат слова «пришел на чужую землю и захватил ему не принадлежащее»? Может, в них сокрыт ключ к разгадке этой тайны?

Капитан Иванов задумался.

– Хотите сказать, что убийство может быть связано с профессиональной деятельностью жертвы?

– Наверняка. Иначе как объяснить эти слова? Убийца явно считает себя судьей и палачом в одном лице. Он вынес приговор, он же привел его в исполнение. То есть с его точки зрения это не убийство, а справедливая казнь! Он просто воздал по заслугам. Вопрос: «Что же такого натворил этот Ледяев, что его постигла такая участь?»

Я вернул фотоснимок, а капитан Иванов сосредоточенно глядел на надпись, явно обдумывая наш разговор.

– Что ж, – сказал он, поднимаясь с места. – Спасибо...

– Всегда рад помочь нашим правоохранительным органам, – вежливо и не вполне искренне отозвался я, позабыв на мгновение о том, как этот человек немногим ранее грубо допрашивал меня.

– А вы, – усмехнулся он, – кажется, несколько знакомы со спецификой розыскной работы. Откуда?

– В свое время я получил юридическое образование, а, кроме того, являюсь автором нескольких детективных произведений...

– Вот как! – он состроил удивленный вид и протянул мне руку. – Рад был с вами познакомиться... На тот случай, если

мне снова понадобится ваша консультация, вы не могли бы оставить свой номер телефона?

Уже на выходе из кабинета этот господин-полицейский обернулся и напомнил мне о необходимости хранить в тайне содержание нашего разговора.

И этот разговор длился больше часа, так что, когда я вернулся в аудиторию, мои студенты уже расходились...

Что касается моей новой знакомой, – той, которую в прошлый раз я невольно довел до слез, – в последующие дни, когда установилась, наконец, теплая погода, я несколько раз видел ее на бульваре, в сквере, среди художников. Весной, во время сессии они практиковались в живописи, изображая на своих полотнах природу, отходящую от зимнего сна. Я не заговаривал с ней, а она была погружена в работу с головой или просто делала вид, что не замечает меня. Во всяком случае, я испытывал чувство жалости к этой женщине, – каждый раз, вспоминая ее слова, сказанные с надрывом, и ее лицо с глазами, полными слез, ее неподдельное горе, – да и зачем было врать? Все, в том числе седина волос, замеченная мною в прошлый раз, свидетельствовало, что она и впрямь пережила многое в своей жизни. Да, Владислава не оставила меня равнодушным, – это была любовь, но, скорей, в христианском смысле, то есть любовь брата к сестре. Плотского

влечения не было, – по крайней мере, в то время...

Так, пролетели еще два месяца. И пришло время мне наведаться в парикмахерскую. На этот раз я несколько колебался, прежде чем решиться на звонок той, которая вызывала во мне столь противоречивые чувства...

Я пришел в назначенное время и тотчас же сел в кресло. Она, не глядя мне в лицо, принялась за свое дело. А потом вдруг остановилась и спросила:

– Что вы знаете о Норд-Осте? Это правда, что я прочла на вашем сайте?

– О чем это вы? – я удивленно посмотрел на нее.

– Да-да, я наводила о вас справки в Инете, – она улыбнулась. – Я прочла вашу статью о тоталитарном государстве... Вы там пишете, что среди тех чеченцев были агенты ФСБ. Это правда?

Я растерялся ненадолго, не ожидая такого поворота событий и лихорадочно вспоминая свою статью.

– Прямых доказательств этому, конечно, нет, но есть некоторые основания для такого рода предположений...

– Вы говорите точь-в-точь как юрист, – она неприятно рассмеялась. – Не надо крутить. Просто скажите, что думаете.

– Я думаю, что Норд-Ост – это наше «11 сентября», – проговорил я со вздохом. – Но вам, уж конечно, известно о тех событиях больше, чем мне, ведь вы там были в то самое вре-

мя! А вообще, – я обратил внимание на присутствующих в салоне, – конечно, нам лучше поговорить об этом в другом месте и в другое время...

– Когда и где? – тотчас же осведомилась Владислава. И я назначил ей встречу у того самого сквера, где она имела обыкновение заниматься живописью.

Вечером того же дня мы встретились. Я пришел раньше нее, вскоре появилась и она – в летнем цветастом платье. Тогда мы решили просто прогуляться и направились в сторону реки. Она тотчас завела разговор на тему, которая ее интересовала. Я сказал, что думаю о теракте на Дубровке, и спросил:

– А что вы помните о тех днях, проведенных «в плену»?

На некоторое время она ушла в воспоминания, что сделала мрачным ее лицо, потом, наконец, проговорила:

– Помню сцену, на которую вышел человек, открывший стрельбу. Людей с автоматами. Помню свой страх и испуганные глаза матери, держащей меня за руку. Женщин в черных балахонах. Помню, как нас выводили в туалет и ту жуткую оркестровую яму. Помню, как мне вдруг стало плохо, и как все закружилось перед глазами... Помню, как очнулась в больничной палате и позвала свою мать. И лицо доктора, который сказал, что ее больше нет. Это все, что я помню. О тех днях остались отрывочные воспоминания. И с тех пор прошло больше двадцати лет...

Я слушал ее очень внимательно. Под конец глаза этой женщины увлажнились, и слезы покатались по лицу ее.

– Сколько лет вам тогда было?

– Двенадцать.

– И вы уже остались круглой сиротой, – я покачал головой. – Не представляю, через что вам пришлось пройти! Я свою мать потерял уже в зрелом возрасте, и то было тяжело...

В тот день мы прогулялись по бульвару, а, когда стемнело, я проводил ее до дома. Мы расстались, а увиделись снова лишь много дней спустя и в другом городе... Впрочем, обо всем по порядку.

Глава третья. Большой переполох в «маленьком Париже»

Майские выходные остались позади, и когда я пришел утром на работу, мои коллеги на кафедре пили кофе и что-то с жаром обсуждали. Меня это несколько насторожило. «Обычно они по утрам вялые, а тут вдруг такое оживление!», – мелькнула мысль в моей голове, но мне было некогда – я сел за свой стол и принялся бегло просматривать свои записи (предстоял трудный день – три лекции подряд). Одна из моих коллег обратила на себя внимание, задав вопрос, адресованный мне. Кажется, она спросила, что я думаю о последних событиях.

– О чем это вы? – без интереса осведомился я, мельком глянув в ее сторону и возвращаясь к своему чтению.

Оказывается, в ночь на 9 мая в нашем городке, где никогда ничего особенного не происходило, было совершено еще одно резонансное убийство (уже второе за последние полгода!). На этот раз жертвой стал один из самых богатых жителей «маленького Парижа», предприниматель, владелец какого-то банка некто Геннадий Воропаев.

Признаться, я мало интересовался местными событиями, а потому это известие на меня никакого особого впечатления не произвело. Но мои коллеги были явно встревожены. Потом я понял, из-за чего случился этот переполох. Когда я

пришел на лекцию, мои студенты задали мне тот же самый вопрос.

– И почему меня все сегодня об этом спрашивают? – возмущенно осведомился я. И сразу раздались несколько удивленных возгласов:

– Как? Разве вы еще ничего не знаете? Все только об этом и говорят!

– И что же я пропустил?

Тогда один из студентов подошел к трибуне со своим планшетным компьютером и показал мне ролик, кем-то выложенный в Ю-туб. Это был короткий фрагмент записи с камеры видеонаблюдения, которая запечатлела момент совершения преступления, вызвавшего широкий общественный резонанс. На записи был виден силуэт человека в черном плаще, держащего в руках меч, занесенный над головой какого-то мужчины, преклонившего колени. Всего несколько секунд длился этот ролик и прерывался на «самом интересном месте», так что дальнейшая судьба этого мужчины оставалась неизвестной.

Как я заметил, ролик под хлестким названием «Меченосец снова вышел на охоту» собрал больше пятидесяти тысяч просмотров, что примерно равнялось населению «маленького Парижа». Иначе говоря, о том, что случилось в ночь на 9 мая, знали практически все его жители, кроме, пожалуй, одного меня.

– Водитель остался жив, – сообщили мне студенты.

– Ну, значит, и убийцу скоро поймают, – раз у них есть теперь свидетель, – мрачно заметил я и строгим голосом добавил. – А теперь приступим к лекции...

В конце рабочего дня я чувствовал себя смертельно уставшим и мечтал только об одном – как бы поскорей оказаться дома. Но когда я уже выходил из университета, мне на мобильный телефон вдруг позвонили, и я зачем-то ответил на вызов. Это был мой недавний знакомый – капитан с «редкой» фамилией Иванов. Он просил меня зайти в отделение полиции. На следующий день у меня выпадало «окно» в расписании, и я сказал, что подойду в это время. Однако он вдруг нетерпеливо проговорил:

– Мне нужна ваша консультация. Это дело важное и срочное!

Тогда я вздохнул и согласился. Был седьмой час вечера, когда я пришел в отделение полиции, где ранее регистрировался по месту пребывания. Дежурный записал мои паспортные данные и позвонил по телефону, после чего за мной явился сам капитан Иванов. Он провел меня в свой кабинет, где был еще какой-то молодой человек, видимо, его подчиненный, и вежливо предложил сесть на стул возле стола. Памятуя о первой нашей встрече, я ожидал от него всего, что угодно, в том числе нового допроса, однако, он придвинул

мне свой ноутбук и нажал на кнопку воспроизведения. И моему взору открылось зрелище не для слабонервных – вся целиком запись убийства предпринимателя Воропаева.

Это случилось на автомобильной парковке, примерно в 11 часов вечера, – в потемках и при искусственном освещении. На записи было видно, как мужчина с плешивой головой и седой бородой, лет шестидесяти на вид, идет с портфелем в руке по направлению к своей машине, где его уже поджидает водитель, открывающий дверь автомобиля. Как вдруг из темноты выступает некто в темном плаще с глубоким капюшоном, скрывающим лицо, – в руках его клинок с блестящим лезвием. Он размахивается и наносит удар... Все случилось так быстро, что жертва не успела даже испугаться, как потеряла свою голову. Водитель, который был по совместительству личным телохранителем предпринимателя Воропаева, тотчас же выхватил из кобуры свой пистолет, но выстрелить не успел, так как его рука в тот же миг была отрублена острым лезвием клинка. Убийца замахнулся на него, после чего тот рухнул на колени. А что было далее, я уже знал из того короткого видеоролика, который мне показывали студенты.

– Итак, «Меченосец снова вышел на охоту», – мрачно констатировал капитан Иванов. – Что вы об этом думаете?

– Я думал, что расследование продвинулось вперед, – у вас, как я слышал, теперь появился свидетель...

– Да. Только от него не много пользы. Лица преступника он не видел, – слышал только его голос. Грубый, резкий и со странным акцентом... Я посетил его в больнице сразу на следующий день, – а это был выходной, между прочим, – ему пришили отрубленную руку. Врачи выражают надежду, что она приживется... Так вот, он передал мне слова, которые сказал ему убийца. Я записал их, – капитан Иванов достал листок бумаги и зачитал:

«Господарь твой поплатился, яко самозванец, насильством захвативший власть в сем граде». И еще он добавил: «Пусть простолюдины ведают, что отныне тут водворится порядок. А ежели кто нарушит оный, будет иметь дело со мной!».

«Кто ты такой?» – спросил его наш свидетель, превозмогая боль.

«Аз есмь Влад Дракул», – последовал ответ.

– И вот теперь я вас спрашиваю – что все это значит? Я вконец запутался и ничего не понимаю! – признался обескураженный начальник убойного отдела.

Но я молчал, погруженный в размышления.

– Я думал, вы, как писатель, нестандартно мыслите и что-нибудь подскажете. Мне нужна хоть какая-нибудь зацепка...

– С момента первого убийства прошло уже больше двух месяцев, – заметил я. – Разве нет никаких результатов?

– Проверка владельцев холодного оружия ничего не дала...

– А как насчет городского музея? – вспомнил я. – Там разве нет образцов холодного оружия?

– Музей мы проверили в первую очередь! Все экспонаты на месте. Нет следов взлома. Девушка, которая там работает, дала удовлетворительные ответы на мои вопросы. Оснований для подозрения в отношении сотрудников музея не имеется...

– Между первым и вторым убийствами есть какая-нибудь связь?

– Да. Ледяев, – первая жертва нашего «Меченосца», как его окрестили в народе, – был начальником службы безопасности в банке, принадлежащем Воропаеву – «Генбанке».

– Вот, это уже зацепка! – обрадовался я.

Капитан Иванов, однако, отреагировал без энтузиазма:

– В прошлый раз, после нашего с вами разговора, я серьезно занялся деятельностью Ледяева, а заодно и его шефа – Воропаева. Связался со своими коллегами из других отделов. У них накопилось много материала по данным субъектам! В частности, по Воропаеву, который начинал еще в лихие 90-е... Тогда он был известен под кличкой «Ворон». Рэкет, вымогательства, запугивания, – на этом он сколотил свой «первичный капитал». В начале 2000-х перешел в легальный бизнес и открыл торговое предприятие, мясной рынок, потом появился «Генбанк». Со временем он подмял под себя все наиболее важные городские структуры, не исключая даже администрации. Говорят, Воропаев был другом ны-

нешнего мэра и ссужал его деньгами... Его даже стали называть «Хозяином» нашего города. Лишь только одно крупное предприятие долгое время не было под его контролем. Это машиностроительный завод, владелец которого до позапрошлого года отказывался продать «Хозяину» свой контрольный пакет акций, пока однажды посреди рабочего дня к нему в кабинет не вломилась вооруженные люди в масках и под дулами автоматов не заставили его подписать бумаги...

– Но это же настоящий рейдерский захват! – возмущенно проговорил я. – Неужели никто не понес наказания?

Мой собеседник мрачно усмехнулся:

– Василий Иванович, рассуждения ваши наивны. Вы и понятия не имеете, на что способны эти люди и какие у них связи! Я и сам-то в этой теме недавно. Но, как говорят мои коллеги, Ледяев и организовал, и провел этот рейдерский захват, обеспечив ему должное прикрытие сверху (он ведь не зря двадцать лет отслужил в органах безопасности!). В итоге дело даже не было возбуждено...

Мой собеседник красноречиво умолк, поглядывая на меня.

– Кажется, теперь я понимаю, что означают слова этого «Меченосца» – «насильством захватил власть в сем граде»! А как насчет бывшего владельца того завода, о котором вы говорили, – он лишился своего предприятия, стало быть, у него имеется мотив для убийства как Ледяева, так и Воропаева...

– На самом деле, нельзя сказать, что он чего-то там лишился, – в конечном счете, его акции были выкуплены по рыночной цене, – он сам нам об этом сказал. И он получил всю сумму сполна. Некоторое время он был под нашим наблюдением, мы проверили и его счета (на тот случай, если он кому-то заказал убийство своего обидчика – а такие преступления всегда оставляют финансовый след!), отслеживали звонки. И ничего! Этот человек чист перед законом. Таким образом, мы снова оказались в тупике...

Капитан Иванов закончил свою мысль и посмотрел на меня, а я заговорил:

– Попробуем поставить себя на место убийцы. Он считает, что вершит правосудие и возмездие. И с его точки зрения это не он, а они преступники (и в каком-то смысле он прав!). Помните надпись на стене? «Пришел на чужую землю и захватил ему не принадлежащее». О чем еще здесь может речь идти, как не о рейдерском захвате машиностроительного завода? Все сходится! Значит, Ледяев был казнен именно за эту акцию. А значит, тот, кто убил их обоих (а это один и тот же человек), во всяком случае знал о событиях того дня, – может, был очевидцем или пострадал от действий захватчиков?!

– И я так подумал. Но разработка этой версии ни к чему не привела, как я уже говорил.

– А, может, вы не всех проверили? Если пострадал еще кто-то, кроме бывшего владельца завода, потерявшего свои

акции?

Капитан Иванов отрицательно покачал головой:

– Захват предприятия прошел без кровопролития, и никто в те дни в больницы с ранениями не поступал. Я бы уж точно знал, если бы что-то подобное случилось. Поэтому ваша версия, к сожалению, не верна...

Я развел руками:

– Ну, тогда у меня больше нет версий. Этот ваш Меченосец либо весьма незаурядный человек, либо просто сумасшедший. Хотя, – кто знает? – может, одно не исключает другого? В пользу первой версии говорит то, что он не оставляет следов, в пользу второй – зачем-то называется именем валашского князя 15 века. Может, он страдает «синдромом Наполеона»? Манией величия? Тогда нужно проверить всех, кто стоит на учете в диспансере... Но что-то мне в этой версии не нравится. Этот человек явно чем-то страдает, но при этом вполне отдает себе отчет в своих действиях, находя им оправдание в духе того, кто имеет право вершить правосудие. Это непостижимо! Это удивительно!

– Вы как будто восхищаетесь им, – неприятно усмехнулся капитан Иванов, вставая с места и провожая меня до выхода.

– По крайней мере, можно понять того, кто стремится устранить недостатки нашей Фемиды, закрывающей глаза на преступления, такие как рейдерский захват чужого имущества. Он наказывает виновных. Но это не значит, что я одобряю такие действия...

Владислава исчезла из моей жизни так же внезапно, как и появилась в ней. Не то чтобы я считал ту нашу прогулку по бульвару свиданием, но все же иногда вспоминал о ней со смешанными чувствами. Я часто проходил мимо сквера, где собирались художники, но больше она там не появлялась. Это меня настораживало, но не могу сказать, что сильно волновало. Я мог бы позвонить ей как другу и спросить, как дела, но что-то останавливало меня. Вплоть до того дня, когда надо было идти в парикмахерскую. Однако, на этот раз вместо ее голоса я услышал другой, механический, сообщивший о блокировке номера. Тогда без обычного предупреждения я явился в парикмахерскую, где меня ждал еще один сюрприз. На месте Владиславы была другая женщина. Я спросил у нее о своей знакомой.

– Она здесь больше не работает, – равнодушно отвечала та, повязывая мне фартук на шею. И это все, что мне удалось узнать в тот раз. Случилось это в начале лета...

Три месяца пролетели как один день, и ничего особенного в это время не происходило. Конечно, если не считать нескольких убийств, носящих заказной характер (явно шел дележ империи Геннадия Воропаева!). Но меня эти разборки мало интересовали. А вот что касается дела «Меченос-

ца», следствие, видимо, как и прежде, топталось на месте. Сам же убийца за все это время никак себя не проявил, – он как в воду канул!

Вскоре начался новый учебный год, и выпали первые дожди. Я читал установочные лекции, а потом обсуждал со студентами на семинарах проблемы мировой истории. Словом, день за днем была обычная рутина. Как вдруг однажды все изменилось...

Стоял серый будний день. После обеда меня в коридоре остановила студентка, которой почему-то не терпелось отработать свои пропуски. Мы прошли в свободную аудиторию. Потом я проверил наличие у нее конспекта, но как только она начала рассказывать тему пропущенного занятия, я почувствовал вибрацию своего мобильного телефона, – достал его из кармана и посмотрел на экран. Высветился неизвестный номер, но, судя по первым цифрам, абонент явно был из центрального региона. «Наверняка, это спам», – подумал я и решил не отвечать. Но так как телефон не переставал звонить, а это мешало мне слушать студентку, я все-таки нажал на кнопку и поднес его к уху. Вопреки моим ожиданиям, это оказался вовсе не банальный «массовый обзвон» какой-нибудь столичной организации в поисках новых клиентов, – услышал я совсем другое:

– Это Василий? – прозвучал женский голос, полный формальной вежливости.

– Да, а кто спрашивает? – насторожился я, глядя на сту-

дентку, которая тотчас затихла.

– Я звоню по поводу Владиславы Смирновой...

Я знал только одну женщину по имени Владислава и подумал, что таких совпадений просто не бывает.

– Что-то случилось?

– Сегодня она поступила в нашу больницу...

– А что с ней?

– Она – в коме. Я обзваниваю номера телефона, который был при ней – в поисках ее родственников. Вы – из их числа?

Я был совершенно сбит с толку этим известием и с трудом подбирал слова для ответа:

– Нет. Я не ее родственник. Она сирота и, насколько мне известно, близкой родни у нее нет, хотя я точно этого не знаю. Мы едва знакомы.

– Значит, вы не знаете никого из ее родных?

– Но я же вам сказал...

– Ладно. Спасибо, – та женщина, видимо, уже хотела повесить трубку, но я в последний момент остановил ее.

– Постойте. А где вы находитесь?

– ГКБ №61.

– А город? – осведомился я.

– Москва.

– Ничего себе! – усмехнулся я, хотя для меня это и не стало полной неожиданностью (номер телефона был из столичного региона). – А как же она там оказалась?

– Мы этого не знаем, – голос в телефоне начал терять свою

официальность и вежливость. – Гражданка Смирнова поступила к нам в больницу, будучи в бессознательном состоянии.

– Я не понимаю. Она что, получила какую-то травму?

– Сейчас она – в коме, – это все, что мне известно, – сказала как отрезала та женщина и снова задала тот же самый вопрос. – Так, вы знаете кого-нибудь из ее родственников?

– Нет, – отозвался я.

– Всего хорошего, – сказала она и повесила трубку. А я всерьез задумался, глядя в сторону.

– Василий Иванович, – чтобы привлечь мое внимание, заговорила студентка, про которую я чуть не забыл.

– Да, продолжайте, – сказал я, стараясь слушать ее, но при этом думая совсем о другом. После перерыва у меня были еще два занятия, – я пытался отвлечься беседой со студентами, но, то и дело, мыслями возвращался к этому звонку и известию о состоянии Владиславы.

Некоторое время в моем сознании шла мучительная борьба. Я не знал, как мне быть теперь. Может, просто забыть? Зачем вообще я ответил на этот звонок? Счастье – в неведении! Но ведь эта женщина – совсем одна. У нее никого нет. Она потеряла родных еще в детстве, много натерпелась в своей жизни, а теперь оказалась в беде. Кома – это не шутки, это угроза жизни!

Нет, забыть об этом я не мог. И надо было что-то предпринять. Но что я мог сделать, будучи на расстоянии шести ты-

сяч километров от Москвы? Ничего другого не оставалось, кроме как отправиться в столицу нашей Родины...

Глава четвертая. На Воробьевых горах

Я взял отпуск за свой счет и купил электронный билет на самолет, а на другой день отправился в аэропорт, откуда несколько часов спустя вылетел в Москву. Будучи на борту самолета, я все еще колебался и обдумывал правильность принятого решения, хотя уже было поздно и невозможно повернуть назад. «Куда меня опять несет? Зачем мне это надо?»

На самом деле, помимо жалости к этой женщине, еще кое-что заставило меня все бросить и лететь на другой конец страны. Это было любопытство, которое вызывало ее внезапное исчезновение и такое же неожиданное появление в Москве. Я чувствовал, что за всем этим что-то кроется, и мой интерес исследователя, конечно, был подогреваем этим чувством. И все же я до последнего сомневался в правильности своих действий...

Прошло больше 8 часов, и вот, наконец, самолет совершил посадку в аэропорту Шереметьево. Потом я добрался на поезде до Москвы, остановился в дешевой гостинице, где переночевал, а утром следующего дня отправился в больницу, которая находилась, если не ошибаюсь, в районе Хамовники.

Москва мало изменилась с тех пор, как я ее оставил. Все те же нависающие громады домов и спешащие по своим делам горожане! Правда, людей на улицах стало еще больше. Да, Город неизменно заманивал в свои сети, и число его жертв неуклонно росло... Разрасталась столица и уже не умещалась в отведенные ей границы, поглотив значительные территории Подмосковья.

Весьма противоречивые чувства всегда во мне вызывал этот Город. На самом деле, я многому научился за те несколько лет, проведенных в столице! Москва – это «мои университеты», хотя я там всего лишь работал юристом. Именно в Москве я приобрел бесценный жизненный опыт и впервые открыл в себе способности писателя, хотя, конечно, довольно скромные на тот момент.

В то же время вспоминаю о тех годах я всегда с грустью. Изнанка мира, – того, в котором мы живем, – нигде так отчетливо не открывается, как в большом, шумном и суетливом месте, таком как Москва. Здесь все обостряется, – чувства и переживания людей, их борьба за существование, тяга к развлечениям и, наконец, порочность человеческой природы! Наверное, стоило пройти через испытание Городом, чтобы понять ценность тихой и спокойной жизни...

В городской больнице я узнал, что Владислава до сих пор не приходила в сознание, но ее состояние, – со слов врача, с которым мне удалось побеседовать, – значительно улучши-

лось.

– Она поступила к нам, будучи в глубокой коме, – даже зрачки ее не реагировали на свет. Но теперь все показатели – в норме, ее жизни ничто не угрожает, – говорил он.

– А что же стало причиной этого ее состояния? – осведомился я.

– Эпилепсия, – отвечал врач. – Прямо посреди улицы случился с ней припадок. Еще хорошо, что мимо проходили люди, вызвавшие скорую помощь... А вы, простите, кем доводитеесь ей?

– Я просто друг, но мне небезразлична ее судьба. И, если вас не затруднит, пожалуйста, позвоните мне, если..., то есть когда она придет в себя...

Я оставил ему свой номер телефона и вышел из больницы, не зная, что делать дальше. Мой отпуск был взят всего на неделю, и через несколько дней мне уже надо было возвращаться. И вот я оказался в состоянии полной неизвестности и неопределенности. А вдруг она за это время так и не очнется? Тогда весь этот путь я проделал впустую и деньги выбросил на ветер!

Размышляя об этом, я спустился в подземку, намереваясь отправиться в свою гостиницу, но потом передумал и сошел на станции «Воробьевы горы». Чтобы хоть как-то скрасить оставшееся время своего незапланированного отпуска, я решил прогуляться по столице. Благо, что оказался почти в самом центре города, и стоял теплый погожий денек «бабьего

Я вышел из метрополитена, следуя указателям, ведущим на смотровую площадку. Асфальтированная дорожка привела меня к скамейке, на которую я опустился, любуясь природой и наслаждаясь пением птиц. Листья на некоторых деревьях пожелтели и опали, а ветер, подхватывая, кружил их в воздухе. Я оглядывался по сторонам и думал, что совершенно бездарно провожу свои дни: «И что я тут делаю? Для чего мне понадобилось приезжать в этот город? Чтобы послушать пение птиц в этом парке? Этой женщине я все равно не в силах помочь! Как глупо! Это ребячество, да и только...».

Чуть поодаль от того места, где я сидел, находилась беседка с белыми колоннами. В этой беседке были какие-то девушки, которые оживленно о чем-то перешептывались, но звук их голосов не доносился до моего слуха. Одна из них вдруг подошла ко мне и что-то спросила. Но я так был погружен в свои мысли, что не расслышал ее слов и уставился на нее с недоумением.

– Мне ваше лицо знакомо. Вы, случайно, не актер? – повторила она свой вопрос. Это была совсем юная девочка со стройной фигурой и отнюдь не яркой внешностью, просто и скромно одетая.

– Нет. Вы ошиблись, – сказал я, покосившись на нее.

– А, может, мы встречались раньше?

– Это исключено! Я вчера только приехал в Москву...

– Так, значит вы тоже иногородний? Какое совпадение! А вам, случайно, не доводилось бывать в Сергиевом посаде?

– Бывал, но давно, больше десяти лет назад, – я отвечал на ее вопросы, а сам про себя строил догадки: «Что же стоит за столь внезапным появлением этой девицы? И к чему она ни с того, ни с сего подошла ко мне? На проститутку вроде не похожа! Что ей нужно от меня?»

Я оглядывался по сторонам и обратил внимание на беседку, где находились девушки, которые не сводили с меня глаз.

– Что здесь происходит? – осведомился я, когда девица вдруг присела рядом со мной на скамейку. – Это что, программа «Розыгрыш»?

– Нет, – она покраснела от смущения.

– А там кто? – я кивнул в сторону беседки. – Ваши подружки? Что все это значит?

– Я просто... – она запнулась, еще сильнее покраснев. – Мы можем просто немного поговорить, а потом я уйду?

– А зачем вам это?

Она замялась, потом, понизив голос, таинственным шепотом проговорила:

– Меня не примут в студенческий клуб, если я провалю испытание...

От такого ответа я несколько растерялся, а потом все же нашелся:

– А... в чем состоит это испытание?

– Проверка коммуникативных навыков. Словом, мне надо разговаривать первого встречного человека, мужчину...

– И как долго нам надо общаться?

– Полчаса, но уже меньше осталось, – она посмотрела на свои наручные часы. – Я прошу – не уходите, подыграйте мне немного, и потом я от вас отстану.

Взгляд ее больших черных глаз был столь выразительным, что я не смог ей отказать.

– Хорошо. Я согласен подыграть вам, но при одном условии...

Она испуганно посмотрела на меня. А я рассмеялся:

– Да, не волнуйтесь вы так! Я просто хотел попросить вас провести меня до университета. А то я здесь, на Воробьевых горах, никогда раньше не бывал. Хотя, конечно, тут везде указатели, и вообще в Москве трудно заблудиться, но все же...

Она тотчас заулыбалась:

– Так даже лучше. Идемте вместе. Нам – по пути.

Мы поднялись со скамейки и направились в сторону смотровой площадки. И вскоре поравнялись с тем местом, где находились подруги этой девушки.

– Так, как вас зовут? – осведомился я у нее нарочито громким голосом.

– Елена, – представилась она.

– А по батюшке как?

– Николаевна, – с некоторой запинкой отозвалась она.

– Так, значит вы, Елена Николаевна, в Москву приехали из Сергиева Посада?

– Да, – удивленно проговорила она. – А вы откуда знаете?

– Так ведь вы же сами давеча заговорили об этом городе! – сказал я и, обернувшись, заметил девиц, идущих следом за нами на некотором отдалении. «Ну, надо же: они не отстают!» – подумал я и проговорил вслух:

– Студентка, комсомолка и красавица? Я угадал?

– Да, – она запнулась. – То есть я в комсомоле, конечно, не состояла, я родилась уже в новом столетии...

– Ну, это понятно, – я усмехнулся. – А как насчет «красавицы»?

Ей, кажется, почудилась издевка в моем вопросе, и она сухо проговорила:

– По-моему, я недурна собой, но внешность – не главное, как говорит моя мама.

– Ваша мама – по-видимому, мудрый человек. Редко можно встретить женщину, которая бы не ставила во главу угла свою внешность! Где она работает?

– В районной администрации.

– Чиновница, значит. А ваш отец?

– Давайте, не будем об этом, – вдруг изменившимся голосом проговорила девушка.

– А, стало быть, для вас это болезненная тема! – догадался я. – Извините. Но я ведь о вас ничего не знаю, а нам надо

еще пятнадцать минут о чем-то говорить, – между тем, ваши спутницы не отстают...

Тем временем, мы поднялись на смотровую площадку, с которой открывался чудный вид на Город. С одной стороны, комплекс небоскребов «Москва-Сити», с другой – стадион «Лужники». Любуясь красотами российской столицы, я чуть не позабыл о своей спутнице; она же тем решила продолжить прерванный разговор:

– А вы в первый раз в Москве?

– Нет. Я бывал здесь и прежде. И даже жил в этом Городе. Но с тех пор много воды утекло!

– А почему уехали?

– Извините, но я не хочу говорить об этом, – я повернулся и, мельком глянув на нее, увидел вдалеке хорошо узнаваемое здание сталинской высотки со шпилем. – Так, вы в МГУ учитесь? На каком факультете?

– Факультет искусств.

– В МГУ есть и такой? А я знаю только о юридическом, философском и филологическом, а также о факультетах журналистики и психологии...

– В МГУ много факультетов! – улыбнулась девушка.

– А почему вы выбрали именно «искусства»?

– Наверное, из-за любви к творчеству, – сказала она серьезно.

– А что именно вас увлекает? Какие искусства? Живо-

пись, скульптура?

– Моя специальность – дизайн. Ландшафтный дизайн и дизайн интерьера. Но вы разве что-то в этом понимаете?

– В дизайне – нет. Это как-то связано с живописью?

– В основном компьютерная графика, но навыки рисования тоже востребованы.

– И вы явно добились определенных успехов, раз сумели поступить в «главный вуз страны»! Не хотите похвастаться своими достижениями?

– А зачем? Я даже не знаю, кто вы! – сухо заметила она.

– Я преподаватель, правда, работаю не в МГУ, а в филиале Дальневосточного университета. И вот приехал на несколько дней, поскольку узнал, что одна моя знакомая больна и находится в тяжелом состоянии...

– Это вы что, на ходу придумали? – недоверчиво осведомилась девушка.

– А почему вы так решили? Что, мои слова не похожи на правду? Впрочем, даже я сам, мой разум, кажется, все еще отказывается верить в реальность происходящего. В то, что я все бросил, пролетел через всю страну, чтобы повидать женщину, которую едва знаю...

– А что с ней, с этой женщиной?

– Она страдает эпилепсией, а сейчас находится в коме. Это все, что мне известно...

– Бедняжка! – искренне проговорила девушка. – Вы сказали, что едва ее знаете, и, тем не менее, приехали издалека,

чтобы повидать ее. Почему?

– Это трудно объяснить. В ней есть что-то особенное...

– Она вам нравится?

– Да. Но это скорее любовь брата к сестре, чем плотское влечение. Мне жалко ее – она многое пережила в своей жизни. И, между прочим, побывала в заложниках в театре на Дубровке в 2002 году...

– Я тогда еще не родилась, но о том, что случилось в те дни, слышала. И она пережила весь этот ужас? – девушка покачала головой.

– Более того, ее мать погибла там – видимо, задохнулась, когда пустили газ. Так что Владислава, – это имя моей знакомой, – осталась без родителей (отец погиб в Чечне в 2000 году). Впрочем, все это рассказала мне она сама, но у меня нет оснований не доверять ее словам...

Мы шли по Университетской площади, пока не добрались до главного корпуса МГУ, а потом свернули на проспект Вернадского. Девушка внезапно оживилась, она расспрашивала меня о моей знакомой, а потом сама стала рассказывать о себе. Оказалось, что она совсем не знает своего отца, который бросил ее мать, когда та забеременела. Так что маленькая Лена воспитывалась матерью-одиночкой... В общем, эта девушка поведала мне обычную историю жизни в одной из тех неполных семей, которые в нашей стране не являются редкостью. О своей матери она неизменно отзывалась с теп-

лотой, хотя чувствовалось, что эта женщина явно была строга со своей дочерью и никаких вольностей ей не позволяла. Впрочем, теперь, вдали от родного дома, все могло измениться...

Заговорившись, мы потеряли ощущение времени и пространства, – я даже не понимал, куда иду, а она шла «на автомате» к своему общежитию, где ей предстояло провести следующие несколько лет, – в компании подруг (тех, что теперь порядочно отстали от нас). Я обернулся и с удивлением заметил, что нахожусь на незнакомой широкой улице с многополосным движением, а потом взглянул на часы.

Девушка тоже обратила внимание на время.

– Думаю, испытание вы прошли, хотя, конечно, это все странно. Я сам не состоял в студенческих клубах, но никак бы не подумал, что там предъявляют такие требования при приеме.

Так, оно и оказалось в действительности. (Впоследствии, много лет спустя, Елена сказала мне, что это была лишь шутка ее подруг, – те, видимо, просто разыграли ее!).

– Вот, мое общежитие, – она кивнула. – Я вам благодарна за то, что вы выслушали меня. Иногда, знаете, хочется выговориться, а вблизи нет человека, способного слушать...

– Пожалуйста, – усмехнулся я, оглядываясь по сторонам. – Рад был вам помочь. Ладно. Всего доброго, – я уже хотел отправиться в обратную сторону, но она вдруг остановила меня.

– Как вас зовут? – спросила девушка.

– Василий.

– А фамилия?

– Арсеньев.

– А вы есть в соц. сетях? – осведомилась она, почему-то густо покраснев.

– В соц. сетях... – я задумался. – Да, есть у меня аккаунт, а вот времени на него нет. Да, и не люблю я эти сети!

Я хотел еще что-то сказать, но в этот момент внезапно зазвонил мой мобильный телефон. Тогда я ответил и услышал голос врача из городской больницы:

– Вы просили позвонить, если наша пациентка придет в сознание...

– Так, она очнулась? – обрадовался я. – Спасибо вам за эту новость. А я могу повидаться с ней?

– Она сейчас в отделении реанимации и интенсивной терапии, а туда пускают только родственников, – сообщил доктор.

– Так, у нее ведь нет родни, насколько я знаю. Может, в порядке исключения? Поймите, я приехал сюда издалека и всего на несколько дней. Как же мне быть тогда?

– Ладно. Приходите завтра после обеда, что-нибудь придумаем, – он повесил трубку, а мне хотелось поделиться своей радостью с новой знакомой, но... той и след простыл. Я огляделся по сторонам – она, видно, скрылась за стенами своего общежития.

Тогда я поспешил в обратную сторону, а вскоре забыл о курьезном случае с этой девушкой, как и о ней самой, так что много лет спустя, при нашей новой (и весьма драматической) встрече, узнал ее далеко не сразу...

На другой день я снова пришел в больницу. После некоторой заминки меня все-таки пустили в палату к больной, которая накануне вышла из комы. Палата эта была рассчитана на несколько человек, но теперь в ней находилась только одна Владислава. Она лежала, бледная, заметно похудевшая, с усталыми глазами, которые при виде меня вдруг вспыхнули огоньками. Она явно была удивлена моему появлению.

– Это вы? Когда мне сказали, что какой-то мужчина спрашивал о моем состоянии, я никак не могла подумать, что увижу вас. Неужели вы пролетели через всю страну ради меня?

– На самом деле, после того, как мне позвонили из этой больницы и рассказали о вашем состоянии, я не мог усидеть на месте, – не глядя на ее изможденное лицо, проговорил я. – Но, надеюсь, теперь с вами все будет в порядке. Врачи говорят, вы идете на поправку. Главное – не надо нервничать и все близко к сердцу принимать. Ничто в этом мире недостойно ваших страданий!

Я умолк.

– Спасибо, – тихо отозвалась Владислава, и у нее на глазах при этом вдруг выступили слезы. Я испугался, заметив, что у нее участилось сердцебиение (судя по показаниям одного из тех приборов, которые бывают только в отделении реанимации). Потом она немного успокоилась, а я собрался уходить и спросил на прощанье:

– Вы вернетесь в наш «маленький Париж», когда поправитесь?

Она ничего не сказала в ответ, только слегка качнула головой, улыбаясь при этом...

На другой день я покинул столицу и ночью отправился в обратный путь, возвращаясь в тот городок, который годом ранее стал моим временным пристанищем.

Конец первой части

Часть вторая. Демон

Глава первая. Ночной спектакль

Прошло два месяца. Стояла теплая зима, когда дожди чередовались со снегами. О Владиславе не было никаких известий. Я не знал, выписали ее из московской больницы или нет, и где она теперь. Но, по крайней мере, в нашем городке я ее не встречал и начинал уже забывать о вышеописанных событиях.

Однажды мне нездоровилось, – заразился от студентов или простудился, доподлинно неизвестно, но мое состояние было таким, что пришлось идти за больничным листом. В последующие дни я почти не выходил из своей квартиры и лечился как таблетками, так и народными средствами.

Дом, где я жил, был панельного типа, советской постройки, а квартира, которую нанимал как арендатор, была однокомнатной, но довольно просторной; в ней имелась гостиная, что одновременно служила мне спальней, небольшая кухня, санузел и прихожая. В гостиной многое осталось еще с советских времен: диван, который раскладывался и собирался, ковер под ногами, мебель, даже телевизор без пульта управления, – на всем можно было поставить знак качества и слова «сделано в СССР».

В то утро я встал с постели поздно, уже в десятом часу, – сначала сделал физ. зарядку, потом на кухне приготовил себе завтрак, а, утолив голод, вернулся в гостиную, где снова лег на диван, под одеяло, – легкое недомогание и сильный озноб заставили меня укутаться теплее. Я лежал и смотрел телевизор, где шла какая-то утренняя передача на одном из федеральных каналов, – картинка шла, но я ничего не слышал, и мне совсем не хотелось вставать и прибавлять звук (тем более что и без слов было понятно почти все!). Так продолжалось некоторое время, потом вдруг ожил мой мобильный телефон. Меня редко, кто тревожил звонками, а потому я не торопился подниматься из-под одеяла, – в надежде, что вскоре мне перестанут докучать. Однако, поскольку звонивший не унимался, я все-таки встал и подошел к тому месту, где лежал телефон. Номер был скрыт, и я удивился, когда, поднеся к уху, услышал в своем мобильном незнакомый женский голос, назвавший меня по имени и отчеству.

– Да. А кто это? – осведомился я.

– Владислава, – сказала она.

– Ах, это вы! – я засмеялся. – Сто лет проживете, – я не узнал вас! Как у вас дела?

– Я надеялась, что вы мне позвоните, – хотя бы, чтобы задать этот самый вопрос! – выговорила она, и в ее голосе звучали при этом недобрые нотки.

– Да я бы с радостью вам позвонил, если бы знал ваш но-

вый номер телефона! – я оправдался на этот раз.

– Ах, да, – дрогнул голос женщины. – Мой номер изменился. (В этот момент я закашлялся). А что это вы? Болеете?

– Немного простудился, – сказал я, борясь с приступом безудержного кашля. – Третий день – на больничном...

– И о вас некому позаботиться? – спросила она вдруг. Меня этот вопрос немало повеселил:

– А что, я сам не в состоянии о себе позаботиться?

– Ну, нет. Так дело не пойдет! – сказала она решительным тоном. – Назовите мне свой адрес, я приеду и помогу вам хотя бы по хозяйству...

– Боюсь, это не очень хорошая идея, – заметил я. – Мне вы вряд ли поможете, а вот сами можете заразиться!

Этот аргумент на нее, однако, не подействовал, она продолжала меня уговаривать, и я, в конце концов, сдался и назвал свой адрес.

Этот звонок меня застал врасплох, я растерянно прокручивал его в голове и проклинал самого себя за то, что поддался на ее уговоры. Теперь мне ничего другого не оставалось, кроме как ждать эту незваную гостью... В квартире был полный бардак, и я, преодолевая свое недомогание и борясь с приступами кашля, постарался навести хоть какой-то порядок, а заодно проветрил все помещения, а потом пошел на кухню и принялся за стряпню. В конце концов, подготовившись к приходу незваной, но такой настойчивой гостьи,

я вернулся в гостиную и снова лег на диван, дожидаясь ее. Но она появилась только под вечер, – в седьмом часу, когда за окном на землю уже опустились сумерки, раздался звонок в дверь, и я пошел открывать.

На лестничной площадке стояла высокорослая женщина с румяным, раскрасневшимся от мороза, лицом, которое сияло ослепительной улыбкой, – она приветствовала меня, и я впустил ее в свою квартиру. Владислава пришла не с пустыми руками, а с полными сумками (видно, она думала, что мне есть нечего, а потому накупила продуктов). С самого начала она повела себя по-хозяйски и, сняв верхнюю одежду, тотчас осведомилась, где что находится. Я ей все быстро показал, после чего она прошла на кухню и стала выкладывать продукты на стол, потом заглянула в холодильник, не преминув сообщить мне о «мышь, которая там повесилась». Я заметил, что ужин приготовлен, но она, проверив мои кастрюли и сковороду, сказала, что этого мало, что мне лучше питаться, и заявила, что мне непременно нужно попробовать ее «фирменное блюдо». В последующие полтора часа она занималась своим кулинарным шедевром, а мне ничего не оставалось, кроме как терпеливо ждать, пока этот процесс закончится...

В девятом часу мы вместе поужинали, – ее «фирменное блюдо» (его ингредиенты здесь я не буду раскрывать) мне понравилось, было вкусно и сытно, – я похвалил ее кулинар-

ный талант, и Владислава сдержанно улыбнулась.

К чаю был торт, который принесла моя гостья. Когда я ел десерт, как ни в чем не бывало, спокойно проговорил:

– Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, не так ли? – и, сделав паузу, добавил. – Или эта фраза сейчас не уместна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.